

# ГАРМОНИИ ЧАРУЮЩИЕ ЗВУКИ

Наш разговор с Борисом Иофисом, молодым автором, членом Союза композиторов РСФСР, начался не совсем обычно. Услышав традиционную просьбу рассказать о себе, Борис, мгновенно поколебавшись, предложил: «Давайте вначале послушаем симфонию, мою первую крупную работу. Думаю, что музыка скажет обо мне больше и лучше, чем я сам».

И зазвучала музыка — сильная, глубокая, сочетающая в себе интеллигентную сосредоточенность, самоуглубленность и в то же время — эмоциональную взрывчатость, остроту контрастов. Симфония поразила зрелостью замысла, емкостью, почти зримой осязаемостью образов, трагедийным накалом.

— Борис, тогда расскажите, как создавалась симфония!

— Честно говоря, симфония — наиболее близкий мне жанр. Меня привлекает в нем концепционность, масштабность, возможность быстрого отклика на проблемы нашей действительности. В этом, на мой взгляд, симфония сближается с песней.

Замысел симфонии оформился в 1983 году. Работа над ней шла долго и мучительно, симфония выстрадана мною от первой до последней ноты. Три года я жил этой музыкой.

— Почему в вашей симфонии преобладают трагедийные настроения! Программна ли она!

— Симфония не имеет объявленной программы. Должен признаться, в некоторой степени она автобиографична. В этой музыке — я сам, мои мысли и чувства, мое восприятие окружающей жизни периода, как принято говорить, «застоя». Возможно, поэтому краски так сгущены. Но все же упреков в чрезмерной трагедийности, преобладании мрачных образов я принять не могу. Помните? Шостакович говорил: «Произведения высокой трагедии всегда были самыми жизнеутверждающими».

Симфония стала моей дипломной работой и прозвучала в 1985 году на выпускном концерте кафедры композиции Московской консерватории.

До сегодняшнего дня я с благодарностью вспоминаю оркестр Ярославской филармонии во главе с главным дирижером В. Понькиным. Общение с ним во время репетиций хоть и было кратковременным, но все же запомнилось мне как одно из самых важных и значительных событий моей жизни. Я смог взглянуть на композиторский труд со стороны. Благодаря этому я по-новому, яснее и глубже осознал ту громадную ответственность, которая возложена на каждого из нас, создающих музыку.

— Борис, а когда вы решили стать композитором!

— Я начал писать в возрасте 8—9 лет. И вскоре я понял, что занятия композицией мне жизненно необходимы. Таким образом, решение, определившее дальнейшую мою судьбу, было принято. В Алма-Атинском музыкальном училище я продолжал свои творческие опыты. Эти годы — одни из самых счастливых в моей жизни. Уже очень давно в Алма-Ате преподает Э. Г. Феллер. Он возглавляет отдел теории музыки. Но фактически его функции всегда были гораздо шире: будущий человек творческим, одаренным, предельно музыкальным, Феллер сумел создать в училище обстановку творческой мастерской. Благодаря ему мы жили в мире музыки, мы жили музыкой. Для меня первым учителем стал именно Феллер.

В Московской консерватории я изучал композицию в классе профессора А. А. Николаева, замечательного музыканта и педагога. Мои композиторские искания в большинстве случаев шли вразрез с устоявшимися творческими принципами Николаева. Однако это не мешало педагогу быть всегда благожелательным к моим поискам.

Я всегда считал, что стать настоящим музыкантом можно только постигая музыку во всей ее целостности. Поэтому я никогда не замыкался в рамках композиторского творчества, большой интерес для меня представляли лекции по гармонии, истории музыки, полифонии. Фундаментом моего профессионализма стали занятия по инструментовке в классе доцента Н. С. Корндорфа.

— А как вы очутились в Красноярске!

— Вы знаете, я — человек счастливый, мне везет на встречи с хорошими людьми. И эти встречи во многом определяют мою дальнейшую жизнь. В этот раз огромную роль сыграла встреча с О. И. Меремкуловым, заведующим кафедрой истории и теории музыки Красноярского института искусств. Предложение Меремкулова начать преподавательскую деятельность в институте я принял с радостью. Должен признаться, что важную роль сыграли и романтические устремления юности.

— Но интересует ли вас педагогика!

— Безусловно, да! Общение со студентами — радостный творческий труд. Кроме того, педагогическая деятельность стала для меня прекрасным стимулом для ежедневной,

ежечасной работы над собой. Чем больше я преподаю, тем явственнее ощущаю необходимость активной и целенаправленной работы по углублению собственного профессионализма. Хочется всегда быть на высоте, представлять интерес для студентов своего класса.

— А не мешает работа в институте вашим занятиям творчеством!

— И — да, и — нет! Не мешает, т. к. разве может мешать композитору жизнь? Где, как не в жизни, не в окружающих тебя людях, событиях и судьбах, черпать материал, накапливать впечатления для будущих работ? Жизнь — единственный источник творчества.

Но вся беда в том, что, приступив к написанию музыки, я должен отрешиться от всего. Сам процесс творчества для меня и радостен и мучителен, я пишу довольно медленно, подолгу обдумываю замысел, тщательно планирую пути его музыкального воплощения. В те дни, когда я пишу, я живу только музыкой, рождающейся во мне. И для того, чтобы выразить в звуках все, что меня переполняет, времени порой, к сожалению, не хватает.

— Борис, я вижу на столе еще одну партитуру...

— Это «Голос вечности», симфоническая поэма для голоса с оркестром на стихи А. Ахматовой.

Сейчас я обдумываю замыслы двух новых работ. После создания Поэмы для виолончели и фортепиано я всерьез заинтересовался камерной музыкой. Мечтаю написать «Ноктюрн» для голоса, гобоя и фортепиано, обдумываю также план будущей симфонической поэмы, посвященной образам детства. Толчком для работы в этом направлении стала проза В. Астафьева.

Беседу велла Т. БОЧАРОВА, музыковед.

6 МАР 1986

Красноярский рабочий г. Красноярск